

Источники

Эта книга была написана главным образом с той целью, чтобы показать, что история жизни Иисуса может быть написана в принципе. Конечно, мы больше знаем о Цезаре (современнике Иисуса) и о некоторых римских писателях. Однако когда речь идет о евреях послебиблейского периода, Иисус наряду с еврейским историком Иосифом Флавием и, пожалуй, апостолом Павлом относится к числу тех из них, о жизни и взглядах которых мы информированы лучше всего.

При составлении биографии Иисуса мы сталкиваемся с определенными трудностями. О его жизни мало что можно узнать из нехристианских источников. В этом отношении его постигла участь Моисея, Будды и Мухаммеда: о них также отсутствуют свидетельства со стороны непосвященных современников. К важным источникам сведений об Иисусе относятся только четыре евангелия: по Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Другие произведения Нового Завета не сообщают о нем почти ничего, а четвертое евангелие справедливо считается — если говорить об историческом Иисусе — ненадежным источником. Три первых евангелия основаны главным образом на общем историческом материале. Поэтому их иногда печатают вместе — тремя колонками. Такое издание текстов евангелий называют синопсисом, а три первых евангелия — синоптическими. Итак, попробуем ответить на вопрос, не приводит ли отсутствие нехристианских источников к непреодолимым трудностям при реконструкции жизни Иисуса.

Если религиозный гений жил в таком культурном окружении, в котором нетрудно собрать подробные сведения о его становлении и обстоятельствах его жизни, то неизбежно возникают попытки дать этому религиозному феномену психологическое объяснение. Нетрудно понять, что такие попытки, как правило, не приводят к удовлетворительному результату хотя бы потому, что дух дышит, где хочет. В особенности это относится к людям, которые сами были захвачены духом. Кто осмелился бы психологически объяснить тайну личности, скажем, святого Франциска? Стало быть, полная невозможность изобразить психологию Иисуса, не заставляя читателя пережить мучительное чувство фальши, коренится не столько в характере источников, сколько в личности самого Иисуса.

Обычно так и бывает: даже при обилии внешних свидетельств наиболее достоверным источником сведений о харизматике следует считать его собственные высказывания и сообщения верующих (естественно, они требуют критического прочтения). Свидетельства посторонних могут послужить важным средством проверки основных источников.

Не следует преувеличивать, как сейчас принято, недостоверность раннехристианских сообщений об Иисусе. Мало того, что в первых трех евангелиях Иисус довольно верно изображен как еврей своего времени, в них повсеместно сохранена даже сама его манера говорить о Спасителе в третьем лице. Если прочесть эти три евангелия непредвзято, можно заметить, что в общем и целом там изображен не столько Спаситель человечества, сколько еврейский чудотворец и проповедник. Почти несомненно, что этот образ не вполне соответствует историческому Иисусу. Однако очевидно, что возник он не только в результате переживания события Воскресения послепасхальной общиной. Совершенно ясно, что многие предания о чудесах и проповеди нельзя истолковать (как это делают большинство современных христианских экзегетов и богословов) в «керигматическом» смысле, т. е. как возвешение о вере в превознесенного Господа. Только в евангелии по Иоанну имеется развитая послепасхальная христология. По этой причине историческая ценность этого евангелия значительно ниже, чем синоптических евангелий.

Можно сказать, что в трех первых евангелиях изображен исторический Иисус, а не «Христос керигмы». Что это значит? По общему мнению, материал синоптических евангелий восходит в основном к двум источникам: древнему рассказу о жизни Иисуса, который содержится у Марка, и источнику логий — собранию речений Иисуса, которое Матфей и Лука используют наряду с древним рассказом. Оба источника возникли в протохристианской иерусалимской общине на древнееврейском языке и впоследствии были переведены на греческий. Иисус в них предстает таким, каким его воспринимали ученики, лично знавшие учителя. Кроме того, имеются до известной степени вторичные иудео-христианские тексты, возникшие из полемики между палестинскими и, возможно, сирийскими христианскими общинами, с одной стороны, и нехристианским еврейством — с другой. Этот материал, по-видимому, отражен главным образом в евангелии по Матфею.

Для иудео-христиан^[1] даже в последующие века (а их Вселенская Церковь считала еретиками) Иисус — чудотворец, учитель, пророк и Мессия — был важнее, чем проповедь о Воскресшем. Совершенно иную картину мы видим (уже на довольно ранней стадии) в эллинизированных христианских общинах, которые были основаны грекоязычными евреями и состояли преимущественно из неевреев. В них проповедовалось прежде всего о Спасении, принесенном распятым и воскресшим Христом^[2]. Не случайно, что возникшие в этой среде тексты, например послания Павла, почти не касаются жизни и проповеди самого Иисуса. Поэтому с точки зрения нашего интереса к личности Иисуса можно признать счастливым то обстоятельство, что синоптические евангелия были написаны довольно поздно, по-видимому, только после 70 г., когда огромная творческая энергия «павлинистских» общин была на

исходе. Этот позднейший слой синоптической традиции в основном отражает редакторскую деятельность отдельных евангелистов. Если изучить этот материал непредвзято, то из содержания и способов его выражения можно понять, что в большинстве случаев перед нами не керигма, а благочестивая рефлексия раннехристианских общин.

Все же трудно составить представление об истинном положении дел, если скрытый в евангелии по Марку древний рассказ отождествить с существующим сейчас текстом евангелия. Хотя сегодня многие серьезные ученые различают первичный текст и вторичную редакторскую работу Марка, большинство из них не делает отсюда необходимого вывода. А именно, если исходный материал был существенно переработан Марком, то второе евангелие нельзя отождествлять с древним рассказом, на котором оно основано. Можно предположить, что именно этот рассказ, а не его переработанный вариант был известен как Луке, так и Матфею. Основываясь на этом предположении, Р. Линдсей (см. библиографию) предложил новый подход к синоптической проблеме и пришел к следующим выводам (в их пользу можно привести дополнительные аргументы). Кроме источника логий, Матфей и Лука непосредственно использовали древний рассказ. Редактор евангелия по Марку пользовался также текстом Луки, а Матфей, наряду с древним рассказом, довольно часто привлекал текст нынешнего Марка. Отсюда следует, что в тех случаях, когда Матфей и Марк почти дословно совпадают, первый евангелист исходил из текста нынешнего Марка, а не из древнего рассказа.

Евангелие от Марка было написано на разговорном, принятом в повседневном общении, греческом языке. С точки зрения евангелиста, Иисус был одаренной сверхъестественными способностями личностью, чудотворцем, святым и одиноким человеком, которого не понимали современники и даже собственные ученики. Находясь на кресте, этот человек чувствовал себя оставленным не только своим народом, но даже своим небесным Отцом. Свое понимание смерти Иисуса Марк выразил цитатой из псалма (22:2): «Бог мой, Бог мой! Почему ты меня оставил?» (Мк 15:34 и Мф 27:46).

Но даже не принимая гипотезы Линдсея и по-прежнему рассматривая дошедший до нас текст Марка как источник для Матфея и Луки, современный экзегет может без особого труда отделить в текстах евангелий работу редактора от более древнего традиционного материала. В этом немалая заслуга школы, разработавшей метод «анализа редакций». Представители этой школы, часто сами того не осознавая, подготовили почву для надежного исследования жизни Иисуса. В настоящей книге мы широко используем результаты метода «анализа редакций» и гипотезу Линдсея, чтобы идентифицировать оба древних документа — древний рассказ и источник логий.

Поэтому мы иногда не основываемся на отдельно взятом евангелии, но пытаемся отделить первичный материал от работы редактора, исходя из всех трех евангелий. В таких случаях перед первой ссылкой на текст ставится «ср.» («сравни»). Читатель может контролировать нашу работу, вооружившись синопсисом.

Чтобы понять Иисуса, необходимо знать иудаизм того времени. Еврейские источники не только помогут увидеть Иисуса в современном ему окружении, но также позволят правильно истолковать его высказывания. В тех случаях, когда сквозь греческий текст отчетливо проступает еврейский оборот речи, мы при переводе исходим из этого последнего, а не из буквально понятого греческого текста.

В данной книге я не ставлю задачи преодолеть расстояние между историческим Иисусом и христианской верой. Я просто пытаюсь помочь современному читателю увидеть Иисуса — человека, который говорил на языке своего народа и жил внутри еврейской традиции, который ни в коей мере не отменял еврейской веры в одного всемирного Бога и предание «учителя нашего Моисея», а, напротив, стремился выявить их глубочайший смысл. Мне кажется, что наше время особенно подходит для того, чтобы понять Иисуса и его дело. Глубокий страх перед будущим и настоящим пробуждает в нас небывалую чуткость. Переоценка Иисусом всех общепринятых ценностей находит в нас сегодня отклик еще и потому, что многие из нас ощущают ту проблематичность моральных норм, из которой в свое время исходил Иисус. Как и его, нас почему-то тянет к изгоям общества, грешникам. Он считал, что не следует отвечать злом на зло (Мф 5:38–39). Отказ от этого принципа в маленькой группе и в большом мире приводит к тому, что всегда блуждающие там силы, сами по себе нейтральные, непременно становятся разрушительными. И сегодня мы можем это понять. Мы можем также, освободившись от власти застарелых предрассудков, уверенно принять принцип неразделенной любви, который отстаивал Иисус, — и сделать это не в силу филантропической глупости, а просто принять его как правильную психологическую установку.

О многом нам сегодня также говорит и экстраординарность жизненного пути Иисуса. От призвания во время крещения и разрыва со ставшей чуждой ему семьей, затем открытия своего нового возвышенного сыновства он устремляется вниз, в толпу больных и одержимых, и далее — к смерти на кресте. В свете этого пути слова, которые, согласно Матфею (28:20), произносит Воскресший, приобретают для нас новый, непосредственный смысл: «И я буду с вами всегда, до конца мира».